

А-Синь находилась в самых первых рядах этого замаскированного отряда лёгкой конницы.

Она приказала всем воинам скакать непринуждённо, без лишней скованности в движениях. Она долго изучала, как сидят в седле люди Чунцзиня. Те держали оружие в одной руке, а поводья в другой, конь был едва ли не продолжением их собственного тела, а сама манера езды дышала абсолютной уверенностью. Чтобы скопировать их без единого изъяна, нужно было держаться в седле максимально расслабленно и вольно.

Разумеется, она просчитывала и другой исход, где их обман будет раскрыт с самого начала.

Поэтому, когда они приблизились к главным восточным воротам и не увидели ни единого солдата, который вышел бы им навстречу для открытия створов, А-Синь мгновенно поняла: они разоблачены.

- Защищаться!

Едва этот выкрик сорвался с губ А-Синь, как над зубцами крепостной стены выросла плотная стена вражеских арбалетчиков. Раздалась громкая команда, и тучи стрел лавиной обрушились на всадников. А-Синь и её конники тут же вскинули закреплённые у боков лошадей щиты, приняв большую часть смертоносного града на себя.

Но стоило Буэрту отдать приказ готовить следующий залп, как вдали, сквозь пелену редющего тумана, внезапно взметнулись бесчисленные боевые знамёна Великой Юй, и окрестности содрогнулись от оглушительного воинственного клича!

Буэрту, который уже собирался было открыть ворота и выслать пехоту на перехват, оторопел от неожиданности и резко выкрикнул команду отступить.

Сколько же сил привела с собой Великая Юй? Если сейчас опрометчиво броситься в бой, можно легко угодить в тщательно подготовленную засаду.

- Быстрее! Известите генерала! - Буэрту немедленно отправил гонца к Хуэрцзи.

С самого утра со склонов горы Цаньсаньфэн спустился плотный туман, сокрыв весь Мэнлян и его окрестности густой белой дымкой. Едва она начала рассеиваться, как температура резко упала, и теперь копыта лошадей с хрустом ломали тонкую корку льда на каменных мостовых города.

Военачальники Хаэргань и Баэрту совершали объезд улиц. В утренний час в городе царили зловещая тишина и холод, повсюду у обочин лежали замёрзшие насмерть рабы.

С тех пор как генерал Хуэрцзи ввёл сухой закон, бывшее веселье от триумфальной победы окончательно сошло на нет. Мало того что солдат изводила невыносимая тяга к выпивке, так генерал ещё и отдал приказ через три дня выдвигаться на штурм заставы Гуанъян. Войско толком не успело прийти в себя, а их снова гонят на бойню. Без вина и без женщин, ну и какая тут война?

Хаэргань непрерывно зевал, из его глаз градом катились слёзы. Глядя на него, Баэрту тоже поддался заразной зевоте.

- Наш генерал перегибает палку. Ну где это видано, чтобы чунцзиньцы не пили вина и не

забавлялись с девками? Без хмеля и баб много мы не навоюем! – Хаэргань вяло покачивался в седле, а его конь лениво плёлся вперёд, спотыкаясь на каждом шагу.

– Эй, не болтай лишнего! Мы на войне, и обязаны беспрекословно подчиняться приказам генерала! К тому же ходят слухи, что в то вино подмешали яд, оттого тебя так и ломает!

– Да это всё пустые сказки! Всем известно, что у Великой Юй отменное вино. Как по мне, никакого яда там нет. Просто генерал больше не хочет воевать, он решил закрепиться в Мэнляне и объявить себя местным королём!

Пока они препирались, навстречу им как раз двигался другой патрульный отряд конницы. Слова Хаэрганя долетели до них в полной отчётливости, и всадники принялись оборачиваться, тихо перешёптываясь между собой.

– Ты что творишь?! Язык твой – враг твой! Если эти речи дойдут до генерала, тебе не сносить головы! – сурово предупредил его Баэрту.

Хаэргань лишь хихикнул в ответ:

– Хех, я говорю чистую правду. Да и вообще, великий Улаэр завещал, что все чуньциньцы братья, а сам верховный вождь зовёт нас братьями! Если генерал вздумает казнить меня ни за что, разве это не пойдёт наперекор воле Улаэра?

От этих слов Баэрту опешил, совершенно не зная, что возразить. Хаэргань же с ухмылкой хлопнул его по плечу:

– Послушай, брат, у меня тут припрятано несколько кувшинов отличного вина. Не хочешь составить компанию и промочить горло?

– Ну... это как-то неправильно, генерал ведь строго-настрого запретил...

– Не хочешь, как хочешь, пойду позову кого-нибудь другого!

Вспомнив манящий аромат вина, Баэрту почувствовал, как внутри с новой силой зашевелился ненасытный червь зависимости. Он поспешно выпалил:

– Ладно, только не ори на всю улицу! Выпьем по-тихому, чисто между нами, братьями...

Хаэргань уже собирался развернуть коня и повести товарища к своему тайнику, как вдруг в северной части города земля у них под ногами бешено задрожала. В то же мгновение уши заложило от оглушительного, раскатистого грохота. Баэрту застыл на месте как вкопанный:

– Брат... ты слышишь этот звук?

Баэрту очень быстро отыскал глазами источник этого страшного шума. Толстая крепостная стена прямо перед ними заходила ходуном, и лицо воина исказилось от подступающего ужаса. Хаэргань же, мгновенно сориентировавшись, сиганул с седла прямо на ветви росшего рядом дерева. Едва Баэрту успел удивлённо обернуться на него, как вековые массивные стены были в щепки разнесены исполинским, яростным потоком ревущей воды. Баэрту не успел издать ни единого звука, как его с головой накрыло и унесло прочь бурлящее цунами.

Сильный ветер, поднятый хлынувшим в город исполинским потоком, трепал волосы Хаэрганя, а мощное дерево, на которое он взобрался, угрожающе шаталось под напором стихии. Брызги

ледяной воды попали на тыльную сторону его ладоней, которые от лютого холода уже почти потеряли чувствительность, и влага мгновенно превратилась в лёд.

Он шумно выдохнул белёсый пар и оглянулся назад. В считанные мгновения бурлящие потоки, двигаясь по пересекающимся и соединённым между собой улицам, хлынули в каждый, даже самый глухой уголок города.

Хаэргань ехидно ухмыльнулся. Если бы он самолично заранее не подкопал и не опустошил фундамент крепостной стены, она вряд ли рухнула бы от первого же удара воды. Что ж, эти десять тысяч таэлей чистого золота от Великой Юй были потрачены не зря!

Тем временем А-Синь и её верный, безгранично преданный заместитель, молодой юноша Го Сяо, вместе с конницей продолжали устраивать непрерывные изнуряющие наскоки у восточных ворот. Буэрту не решался опрометчиво выйти на перехват, выбрав тактику глухой обороны. В этот момент на стену стремительно поднялся сам вождь Хуэрцзи. Увидев колышущиеся в тумане боевые знамёна и услышав яростные крики, он тяжело выдохнул и со всей силы хлопнул Буэрту по плечу:

- Ты попался на удочку! Это же классический манёвр отвлечения внимания!

- Что?!

- Они намеренно воспользовались густым туманом, чтобы заставить тебя стянуть все силы к восточным воротам. Их подлинная цель наверняка в совершенно другом месте! Вы двое, за мной! - Хуэрцзи созвал огромный отряд воинов и бросился вниз со стены, приказав Буэрту оставить на дозоре лишь горстку арбалетчиков. Вождь намеревался немедленно собрать всех братьев и лично встретить врага лицом к лицу!

Однако не успели кочевники перегруппироваться, как с северной стороны города хлынула неистовая, ревушая лавина воды. Она сходу сбила с ног отряд чунцзиньцев, которые только-только успели вскочить в сёдла. К тому моменту, когда они с трудом поднялись на ноги, бурлящий поток уже доходил им до пояса.

- Откуда здесь взялась вода?! - чунцзиньцы, отродясь не умевшие плавать, пришли в неописуемый ужас и принялись лихорадочно карабкаться на крыши домов и ветви деревьев. Водный напор был настолько свирепым, словно прорвало великую реку, и уровень стремительно рос. Стоило воинам взобраться повыше, как следом за ними, не отставая, безжалостно поднималась и вода.

Перед лицом разбушевавшейся стихии непобедимые и бесстрашные воины Чунцзиня превратились в жалобных, напуганных котят. Они мёртвой хваткой цеплялись за древесные стволы и черепицу крыш, дрожа всем телом и не смея спуститься вниз.

Пока А-Синь со своими людьми сеяла панику у восточных ворот, сбивая с толку командование врага, Чжэнь Вэньцзюнь прорвала дамбу и пустила воду. Потоки устремились напрямик в город через северную стену, фундамент которой Хаэргань заблаговременно расшатал. Получив от А-Синь золото, Хаэргань согласился на тайное сотрудничество. Он не только прокопал подземные каналы, но и лишил стену опоры. Напор нахлынувшего наводнения оказался столь колоссальным, что один из углов крепостной стены разнесло в щепки в ту же секунду. В

Мэнляне имела́сь подземная ливневая канализация, но поскольку город располагался на северной границе, где дожди были редкостью, местная дренажная система не шла ни в какое сравнение с колоссальной пропускной способностью столицы Жунин. Наводнение ворвалось слишком стремительно и мощно, вода попросту не успевала уходить, в мгновение ока затопив весь Мэнлян до краёв.

Хуэрцзи, стоя на вершине уцелевшей стены, содрогнулся от увиденного: на его глазах Мэнлян превратился в сплошное озеро. Бесчисленные воины и боевые кони беспомощно барахтались в грязной жиже, а уши вождя закладывало от истошных, непрекращающихся криков о помощи. В то же время многие местные мирные жители, обращённые в рабство, выросли на берегах реки Чаншуй и с детства практиковали зимнее плавание. Немного поборовшись с течением, они без труда находили надёжную опору на крышах зданий, спасая свои жизни.

Буэрту в панике закричал:

- Генерал! Если мы сейчас же не откроем ворота, все наши братья попросту захлебнутся и утонут прямо в городе!

У Хуэрцзи не оставалось выбора. Он громогласно приказал настезь распахнуть ворота, чтобы выпустить скопившуюся воду наружу.

Едва створы распахнулись, как бурный поток устремился прочь, затапливая окрестности вокруг крепости. И в этот самый момент воздух разорвал оглушительный воинственный клич. Оказалось, что те, кто до этого пугал врага в тумане, были самой что ни на есть настоящей, грозной армией.

А-Синь указала клинком на распахнутые настезь ворота и яростно скомандовала: «В бой!». За её спиной неистово загрохотали боевые барабаны, и она, вырвавшись вперёд, первой ринулась в атаку. Солдаты, увидев, что их предводитель лично ведёт их в авангарде, ощутили, как их кровь закипает от бешеной отваги. Слившись в едином громогласном крике, они устремились внутрь Мэнляна, прорываясь сквозь доходящую до щиколоток ледяную воду.

Чтобы укрепить решимость и не дать никому даже помыслить о бегстве, пехотинцы были намертво скованы друг с другом железными цепями, а сзади их поджимала и гнала вперёд собственная конница. Лавина криков и звона оружия заполнила город. Уцелевшие чунцзиньцы, которые провели полдня в ледяной воде, бросились к коням, пытаясь принять бой. Вода к тому моменту уже сошла, но все они промокли насквозь. Под воздействием экстремально низкой температуры тела воинов окоченели, а ноги подкашивались от слабости. И стоило им вскочить в сёдла, как их настигла настоящая, сокрушительная беда.

Пусть большая часть наводнения и покинула Мэнлян, оставшаяся на мостовых влага под воздействием жуткого мороза мгновенно превратилась в сплошную корку гладкого льда. Боевые скакуны физически не могли бежать по такому покрытию. Кони один за другим скользили, падали и ломали ноги, увлекая за собой чунцзиньцев, которые с размаху разбивали головы о камни.

Лишившись лошадей, кочевники словно потеряли собственную ногу. Скрытый жар в груди от ломки «Порошка Фужун» ещё не прошёл, а тела сковал смертельный холод. Столкнувшись лицом к лицу с охваченной небывалым боевым подъёмом армией Великой Юй, они оказались связаны по рукам и ногам, не в силах оказать хоть сколько-нибудь достойное сопротивление.

Видя, как его армия терпит поражение за поражением и стремительно отступает, Хуэрцзи пришёл в неопределяемую ярость и лично ринулся в самую гущу бойни. Бешено вращая

исполинским боевым топором, он на месте зарубил нескольких солдат Великой Юй, а следом обезглавил двоих своих воинов-чунцзиньцев, пытавшихся дезертировать с поля боя. Направив окровавленный топор в сторону А-Синь, он взревел подобно раненому льву:

- Великий Улаэр взирает на нас! Любой, кто побежит с поля боя, недостойн зваться сыном Улаэра! Убейте этих свиней с Центральных равнин!

Яростный клич Хуэрцзи мощным импульсом всколыхнул боевой дух его воинов. Под прикрытием ювелирно точных залпов крепостных арбалетчиков и камнеметателей с оборонительных стен, авангард прорвавшихся внутрь войск Великой Юй начал падать волна за волной. Обретшие былую уверенность кочевники сплотились и с диким рёвом пошли в яростную контратаку.

Однако стоило Хуэрцзи вновь взять ситуацию под контроль, как вокруг него один за другим начали раздаваться душераздирающие крики и вопли. Прямо над его головой промелькнул какой-то чёрный силуэт. Резким взмахом руки вождь отшвырнул снаряд в сторону, но его предплечье мгновенно обдало сочной, изумрудно-зеленой жижой. Сок с шипением принялся разъедать кожу и плоть, стремительно проникая в глубокие мышечные ткани.

Яд!

Хуэрцзи вскинул голову и обомлел. С небес сплошным потоком сыпались бесчисленные, обёрнутые в ткань, ядовитые бомбы.

Вождь во всё горло надрывался, приказывая братьям укрыться от ядовитых снарядов, однако город был слишком огромен, а на улицах кипела жестокая резня. Сквозь грохот сражения никто не слышал его криков, и кочевники падали один за другим, поражённые ядом.

Лицо Хуэрцзи багровело от ярости. В этот момент ещё две бомбы со шлепком угодили ему прямо в спину. Он резко обернулся и увидел, что оборонительные стены города неизвестно когда уже заполонили отряды Великой Юй. А той, кто только что с безупречной точностью вlepил в него ядовитые снаряды, оказалась женщина.

Это была Чжэнь Вэньцзюнь!

Чжэнь Вэньцзюнь, А-Си, А-Вэнь и Цзо Куньда с боем прорвались на вершину крепостной стены. Подавив вражеских арбалетчиков градом токсичных бомб, они захватили господствующую высоту и замкнули плотное кольцо окружения. Снаряды тоннами передавались по цепочке наверх, их раздавали даже укpывшимся на крышах местным жителям Мэнляна. Объединив усилия, ратники и мирные граждане лавиной обрушивали ядовитые бомбы на головы чунцзиньцев со всех четырёх сторон, окончательно деморализуя и дезориентируя врага.

Сжимая в руках исполинский топор, Хуэрцзи ринулся вверх по ступеням на стену, намереваясь самолично изрубить Чжэнь Вэньцзюнь на куски, но на полпути перед ним живым щитом выросла А-Синь. Её длинный меч молниеносным выпадом устремился прямо ему в глаза. Траектория удара А-Синь была настолько быстрой, неуловимой и непредсказуемой, что потрясённый Хуэрцзи был вынужден спешно отпрянуть назад. А-Синь преследовала его по пятам, не давая перевести дух. Её клинок двигался подобно свирепому урагану или вспышке молнии. Каждый выпад был нацелен исключительно в область глаз. Стоило Хуэрцзи инстинктивно вскинуть тяжёлое топориче для защиты лица, как А-Синь мгновенно сменила рисунок боя и полоснула его по животу. Едва вождь попытался закрыть брюхо, как остриё меча вновь полетело ему в зрачки. Не увернись он в самую последнюю долю секунды, его глазные яблоки были бы безжалостно выколоты.

Хуэрцзи обладал поистине первобытной, сокрушительной силой. Его боевой топор был способен раскалывать горы и разверзать землю. Если бы кто-то вздумал помериться с ним грубой физической мощью, то ни во всей Великой Юй, ни среди семи великих варварских племён Ху не нашлось бы человека, способного одолеть этого исполина. Но А-Синь и не думала вступать с ним в клинч. Где нужно - она стремительно отступала, а едва подворачивался шанс, то совершала резкий выпад, намертво вцепляясь во врага и выдавая серию из десятков смертоносных ударов подряд.

Техника меча А-Синь опиралась на невероятную скорость и непредсказуемые, коварные финты. Степной воин Хуэрцзи с самого детства привык к кулачным боям, борьбе и размашистым ударам топора, где всё решала гора мышц. Столкнувшись с изощрённым, филигранным стилем этой хрупкой женщины, он мгновенно растерялся, засуетился и полностью утратил инициативу, оказавшись в глубокой обороне.

На лбу, запястьях, животе и ногах Хуэрцзи зияли более двадцати глубоких рубленых и колотых ран, и каждая из них кровоточила не на шутку. Он окинул взглядом своё истерзанное тело и вдруг раскатисто, дико расхохотался. На ломаном, корявом языке Центральных равнин он прохрипел:

- Грозная!

Плечо и спину А-Синь тоже дважды зацепило обухом его гигантского топора. Они стояли друг напротив друга на крепостной стене, обдуваемые пронизывающим до костей ледяным ветром, от которого их окровавленные одежды шумно и яростно хлопали. То, что Хуэрцзи, будучи с ног до головы покрытым кровоточащими ранами, ни капли не растерял самообладания и не впал в слепую ярость, доказывало, что перед А-Синь стоял отнюдь не безмозглый варвар, сильный лишь мускулами. А-Синь больше всего ненавидела сталкиваться с такими противниками. Временная неудача не заставит подобного воина ослепнуть от гнева и совершить роковую ошибку. Такие люди от каждой пролитой капли крови становятся лишь ещё более азартными, возбуждёнными, а их боевой пыл разгорается сокрушительным, неудержимым пожаром.

Чжэнь Вэньцзюнь без сна и отдыха трудилась больше десяти дней, чтобы изготовить более шести тысяч ядовитых бомб. Если бы не то, что А-Си физически больше не могла откопать токсичных ягод, а запасы снотворного средства "Сай Мафэй" у Бу Цзе были опустошены дочиста, Чжэнь Вэньцзюнь смогла бы выпустить и все десять тысяч снарядов.

Шесть тысяч бомб разлетелись в один миг. И хотя армия Чунцзинь понесла колоссальные потери, каждый из кочевников был крепким, сильным и выносливым бойцом. Получив сильнейшие ожоги, из-за которых их тела покрывались сочащимися язвами, промёрзнув так, что волосы превратились в ледяные сосульки, они не выказывали ни малейшего намерения отступить. Напротив, в этот критический момент они до предела проявили заложенную в их крови и костях стойкость и первобытную свирепость.

В ходе внезапного штурма в городе погибло более двадцати тысяч воинов Чунцзиня. Из оставшихся пятидесяти с лишним тысяч человек большинство было ранено. В численном соотношении армия Великой Юй больше не уступала врагу. Однако если чунцзиньцы поголовно являлись обученными, тщательно отобранными и закалёнными в боях воинами, то войско Великой Юй состояло из неопытных новобранцев и остатков разбитых частей, среди которых к тому же было полно стариков, подростков и женщин. Сейчас численность обеих сторон практически сравнялась, но с точки зрения чистой боеспособности разрыв по-прежнему оставался колоссальным.

Чжэнь Вэньцзюнь начала явственно ощущать, что силы покидают её. Кочевники с боем прорывались на крепостные стены. Она немедленно скомандовала всем мирным жителям отступить вниз, а солдатам приказала вести с чунцзиньцами изнуряющие манёвренные бои, всячески избегая прямых лобовых столкновений.

Солнце стремительно клонилось к закату. Как только оно сядет, температура упадёт ещё ниже, а промокшая насквозь одежда заставит воинов Чунцзиня страдать от ещё более лютого холода. Городские продовольственные склады оказались полностью затоплены и сгнили под воздействием хлынувшей воды. Терзаемые голодом и стужей чунцзиньцы к тому же мучились от наркотической ломки, а остатки не выведенного из организма «Порошка Фужун» лишали их покоя, заставляя терять самообладание. Проще говоря, чем сильнее затягивалось время, тем выше становились шансы Чунцзиня на сокрушительное поражение.

Всё, что требовалось от Чжэнь Вэньцзюнь - это сцепить зубы и продержаться.

Заместитель командующего кочевников Буэрту вскоре заметил, что на стенах и на улицах города кто-то умело руководит тактикой «бей и беги». Неизвестный командир забрасывал их ядом, заставляя без толку выматываться и тратить силы в бесконечной погоне, но в открытый бой не вступал. Разузнав, кто является ключевым мозговым центром этого сопротивления, он обомлел, ведь им оказалась какая-то девка-разбойница! Сжимая свои парные сабли, Буэрту с яростным рёвом ринулся на Чжэнь Вэньцзюнь. К его глубокому удивлению, эта девчонка неплохо владела боевыми искусствами. Он наносил яростные удары своими клинками, а она не просто умудрялась уклоняться, совершая резкие выпады влево и вправо, но и находила силы для контратак. Буэрту мощным ударом выбил из её рук покрытое ржавчиной длинное копьё, но в ответ она с размаху влепила кулаком прямо ему в переносицу. Сила удара отбросила воина на несколько шагов назад, и из его носа хлынул густой поток крови.

Сломав Буэрту его высокий нос, Чжэнь Вэньцзюнь сама едва не закричала от дикой боли в разбитых костяшках пальцев. Однако показывать слабость перед врагом было смертельно опасно. С самым невозмутимым видом она встала в боевую стойку, используя смесь разношёрстных приёмов кулачного боя, перенятых у матери и Сяохуа. Сделав уверенный, вызывающий жест рукой, она поманила Буэрту к себе, создавая иллюзию, будто у неё всё под контролем и в рукаве припрятан ещё не один козырь.

Видя, что эта молодая особа не только блестяще разбирается в тактическом построении войск, но и сильна в рукопашном бою, Буэрту вытер кровь с лица и больше не осмеливался слепо бросаться вперёд. Он принялся медленно кружить вокруг Чжэнь Вэньцзюнь, хищно выискивая малейшую брешь в её обороне.

Чжэнь Вэньцзюнь ещё в самом начале боя заприметила, что этот человек со стен руководил вражескими отрядами, а значит, определённо являлся крупным военачальником. Она умышленно не форсировала поединок. В чистом мастерстве и грубой силе Чжэнь Вэньцзюнь гарантированно проиграла бы ему, но когда дело касалось стратегии - это была совсем другая игра. Ей нужно было во что бы то ни стало сковать этого командира боем. Пока он отвлечён на неё, армия Чунцзиня останется без единого руководства, и тогда Го Сяо, Бу Цзе и Цзо Куньда смогут нащупать уязвимые места и выработать план по полному истреблению врага.

Го Сяо, долгие годы кочевавший по полям сражений вместе с А-Синь, за это время закалил

своё тело до состояния литой стали. В прямых столкновениях с войнами Чунцзинь он ни на йоту не уступал им в силе. Он неизменно рубился на самой передовой и уже успел добыть несколько вражеских голов, что колоссально поднимало боевой дух наступающих войск Великой Юй.

Бу Цзе воевать не умел, он не мог поднять даже сколько-нибудь тяжёлое оружие, поэтому перед началом битвы Чжэнь Вэньцзюнь строго-настрого запретила ему лезть на передовую.

- Возьми командные флаги и отыщи самую высокую точку. Как только разглядишь общую расстановку сил и перемены в ходе боя - немедленно делай отметку флажками, координируя перемещения и перестроения наших отрядов! - напутствовала она учёного перед выступлением. К тому же Чжэнь Вэньцзюнь лично порекомендовала Бу Цзе самой А-Синь, заверив ту, что его стратегический ум - это очень редкое сокровище. А-Синь, зная, что самый сложный водяной уровень был сконструирован руками Бу Цзе, после короткой беседы с ним высоко оценила его интеллект. Она приказала ему разработать уникальную систему сигнальных флажков и заставила всю армию от мала до велика заучить эти сигналы до автоматизма.

Город Мэнлянь нельзя было назвать маленьким, но по сравнению с безбрежными степями, где две армии сходятся лицом к лицу на открытом пространстве, ведение боевых действий внутри городских кварталов накладывало массу ограничений. Пересекающиеся переулки, жилые кварталы, разветвлённые подземные каналы и потайные проходы - места для полноценного разворота конных масс были крайне зажатými и ограниченными.

И такое специфическое поле боя давало колоссальное преимущество местным жителям Мэнляня, знавшим каждый закоулок родного города как свои пять пальцев.

Воины Чунцзиня, хотя и прожили здесь больше месяца, относились к городу исключительно как к ценному военному трофею. У них не было ощущения, что это их дом, а потому отсутствовало всякое желание исследовать его. Они не утруждали себя запоминанием сложной сети городских коммуникаций. Пользуясь этим, ополченцы Мэнляня, опираясь на знание рельефа, шаг за шагом, капля за каплей обескровливали и истребляли превосходящие силы ошарашенных кочевников.

Тактика была безупречной, и все солдаты бились не щадя жизни, однако это ожесточённое сражение затянулось на двое суток и две ночи. Чжэнь Вэньцзюнь была с ног до головы покрыта ранами, её силы иссякли, тогда как воины Чунцзиня не выказывали ни малейших признаков усталости. Они рубились подобно свирепым львам и тиграм, словно были способны воевать до скончания веков.

Чжэнь Вэньцзюнь осознала, что жестоко ошиблась.

Она наивно полагала, что люди Чунцзиня - обычные смертные, которые точно так же мёрзнут и устают. Однако эти стоявшие перед ней бойцы, которые после двух дней непрерывной резни всё ещё обладали неисчерпаемой, блуждающей в жилах мощью, определённо выходили за рамки её понимания слова «человек». Буэрту преследовал Чжэнь Вэньцзюнь по пятам, не отступая ни на миг. Обороняться против него одного уже стоило ей колоссальных, изнурительных усилий, а ведь нужно было ежесекундно караулить удары других врагов, готовых в любой миг выскочить из засады. Тем временем А-Синь, которая до сих пор удерживала преимущество, от дикой усталости на долю секунды ослабила концентрацию и сокрушительный удар боевого топора Хуэрцзи сбросил её с крепостной стены. Не оказавшись на пути её падения многочисленных военных знамён и вывесок, которые смягчили удар, этот

полёт гарантированно стоил бы ей жизни.

Опираясь на меч, А-Синь, преодолевая жгучую боль в пояснице, с превеликим трудом поднялась на ноги. В этот момент Хуэрцзи коршуном скатился вниз по кавалерийскому спуску и с размаху обрушил топор, намереваясь рассечь её голову надвое. Из-за сильнейшего растяжения в пояснице движения А-Синь были скованы, и у неё не оставалось иного выбора, кроме как принять этот страшный удар на жёсткий блок. Исполинский топор со звоном выбил клинок из её рук. Но в ту же секунду за спиной А-Синь раздался звонкий крик: «Не бойся, сестрица!», и малышка А-Вэнь, сжимая в руках два невесть где подобранных коротких ножа, бесстрашно ринулась прямо на Хуэрцзи.

- Назад! - обомлела А-Синь, но перехватить девочку было уже невозможно.

А-Вэнь, точно взъерошенная дикая кошка, без капли страха бросилась на этого яростного тигра, безумно и часто нанося удары. А-Синь с изумлением увидела, что, несмотря на крошечное телосложение, девочка полосовала врага с абсолютной беспощадностью и точностью. Перед глазами Хуэрцзи замелькали лезвия её кинжалов, его тяжёлый топор двигался слишком медленно для защиты, и один из острых ножей начисто срезал вождю правое ухо.

Хуэрцзи взвыл от невыносимой боли и наотмашь вогнал кулак прямо в грудь А-Вэнь, отчего та кубарем отлетела прочь. Однако, едва коснувшись земли, девочка пружиной вскочила на ноги, готовая вновь ринуться в бой. А-Синь резко прикрикнула на неё:

- Довольно, не двигайся! У тебя сломаны кости.

А-Вэнь бросила взгляд на свою левую руку, при неудачном приземлении она действительно сломалась и неестественно повисла.

В это же время на другом конце города Цзо Куньда и Бу Цзе оказались зажаты в плотное кольцо окружения. Го Сяо под натиском троих воинов был отеснён на самую вершину колокольни. У него не осталось иных путей к отступлению, кроме как шагнуть в пустоту.

Буэрту вместе с десятками соратников загнал Чжэнь Вэньцзюнь внутрь одного из богатых подворий. Едва она успела забежать в дом и запереть дверь на засов, как прямо сквозь черепичную крышу, увлекая за собой град кирпичей и обломков, рухнула А-Синь, которая до последнего крепко прижимала к своей груди раненую А-Вэнь.

Лицо А-Синь было бледным как полотно, она поднялась на ноги из последних сил. Окинув взглядом помещение, она уверенно произнесла:

- Это поместье семьи Бай в Мэнляне. В своё время я была дружна с его главой и знаю, что здесь есть потайной лаз, где можно временно укрыться!

Пока она говорила, Хуэрцзи и Буэрту во главе уцелевших воинов уже с грохотом вышибли главные ворота и ворвались во внутренний двор.

А-Синь изо всех сил толкнула спутниц вперёд, увлекая вглубь главного лагеря поместья, и помогла им забраться в подземный тайник, скрытый прямо под кроватью в покоях хозяина.

Первой внутрь протиснули тяжело раненую А-Вэнь, после чего А-Синь попыталась силой

затолкать туда Чжэнь Вэньцзюнь.

Оценив взглядом размеры лаза, Чжэнь Вэньцзюнь поняла, что места там хватит от силы на двоих. На её лице отразилась непреклонная решимость, и она твёрдо отрезала:

- Нет! Полезай ты!

А-Синь не собиралась тратить время на пустые пререкания и принялась грубо заталкивать её внутрь. Тут в Чжэнь Вэньцзюнь вскипел её упрямый нрав. Она с силой захлопнула крышку люка изнутри и во весь голос крикнула:

- Это поле боя! Здесь не место трусливо прятаться в норах! Когда я приняла решение идти на северный фронт и уничтожить варваров, я ни на секунду не допускала мысли о позорном отступлении! Если и суждено погибнуть, я заберу с собой как можно больше этих тварей и умру в честном бою! Стану вечным, нетленным призраком-хранителем нашей Великой Юй!

Глядя на Чжэнь Вэньцзюнь, от которой веяло подлинным, величественным героизмом, А-Синь вдруг ощутила шемящее чувство дежавю, словно она увидела саму себя в те годы, когда впервые ступила на тропу войны. Заразившись этим яростным, несокрушимым порывом Чжэнь Вэньцзюнь, А-Синь издала громоподобный боевой клич. И в то же мгновение показалось, будто все её страшные раны и дикая боль бесследно растворились в воздухе.

Воины Чунцзиня с рёвом ворвались в главный двор поместья. Увидев внутри лишь двух израненных женщин, Чжэнь Вэньцзюнь и А-Синь, одна из которых сжимала меч, а другая копьё, они плотным кольцом отрезали им любые пути к отступлению.

А-Синь крепко стояла ногами на крышке подземного люка. Малышка А-Вэнь отчаянно рвалась наружу, желая помочь им и принять удар на себя, но А-Синь ни за что не позволяла ей сдвинуть крышку.

Варвары обступили их со всех сторон. За долгие годы сражений А-Синь бесчисленное множество раз оказывалась на грани гибели, но ещё никогда опасность не была столь осязаемой и сокрушительной. Самым верным знаком этого стало то, что в эту секунду она вдруг вспомнила о Ли Яньи.

В её памяти всплыл тот самый поэтический вечер, устроенный много лет назад. Восемнадцатилетняя Ли Яньи в нежно-розовом платье стояла посреди цветущего сада с чашей вина в руке, непринуждённо и ласково беседуя с супругами высокопоставленных сановников.

Это была самая прекрасная картина, которую А-Синь видела за всю свою жизнь.

Надо же, вспомнить об этом именно сейчас, - с горькой усмешкой подумала А-Синь и тихо произнесла:

- Сестрица Вэньцзюнь, похоже, мы и впрямь сложим здесь свои головы.

Чжэнь Вэньцзюнь мёртвой хваткой вцепилась в древко копья. Её тело покачивалось от изнеможения, а в ушах настойчиво звенел тихий голос, доносившийся словно из какой-то невероятной, бесконечной дали. Этот голос был до боли знакомым, но из-за грохота вокруг она никак не могла расслышать его отчётливо.

Чей это был голос?

Точно... Это же Вэй Тинсюй! Неужели это Вэй Тинсюй?..

Что она говорит?

Чжэнь Вэньцзюнь затаила дыхание, вслушиваясь всем своим существом в слова, эхом отзывавшиеся в самой глубине её сердца.

- Я буду ждать твоего возвращения, - говорила Вэй Тинсюй. - К тому времени весь наш двор зацветёт розами «Пайхуай».

Слёзы одна за другой покатались по её щекам и крупными каплями разбились о холодную землю.

Я не могу умереть здесь, - упрямо твердила себе Чжэнь Вэньцзюнь. - Я просто не имею права умереть.

Я должна вернуться и снова увидеть её.

Примечание переводчиков: Буэрту и Баэрту два разных персонажа (卍ω`)(тωт)

<http://bllate.org/book/17227/1732127>